

18+

Наталья Тергуева

Свет той двери

Наталья Тергуева

Свет той двери

<https://litres.ru/74340822>

ISBN 9785007088435

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«За самой темной дверью всегда есть свет». Героини этого сборника — женщины разных эпох и судеб, которых объединяет одно: они не боятся идти до конца. Через потери, предательства, страхи, через огонь и пустоту. Одни ищут правду о себе, другие — возможность начать заново, третьи — право быть с теми, кого любят. Здесь нет идеальных — есть живые, падающие и встающие. И именно в этом их сила. Книга о том, что даже в самой тёмной ночи можно разглядеть луч, если не бояться открыть дверь.

Содержание

Вместо предисловия:	7
Сухари	9
Пылающее платье	21
Две макушки	43
Нерассказанная сказка	70
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Свет той двери

Наталья Тергуева

© Наталья Тергуева, 2026

ISBN 978-5-0070-8843-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия:

Женский портрет на фоне судьбы

Дорогой читатель!

В твоей руке книга о той, кто держит мир, когда он погружается в хаос. О той, чей голос звучит в каждой истории, даже когда рассказ ведётся от мужского лица. Она — искательница истины, хранительница очага, жертва страсти, мать, готовая на всё, и та, кто зажигает свет в чужих душах.

Этот сборник — о Женщине.

Семь историй. Разные судьбы: от маленькой Дуни, пережившей войну, до актрисы, сгоревшей в огне собственного таланта. За каждым образом стоит великая тайна — тайна женского сердца.

В нём — сила и уязвимость, способность любить беззаветно и мстить отчаянно. И одна невысказанная правда: свет в этом мире держится на женщинах, которые не гасят его внутри себя. Свет, что дарит надежду, и дверь, за которой начинается новая жизнь. Впустите его в свое сердце.

Этот сборник — о Выборе. Именно он определяет всю дальнейшую жизнь. Выбор между долгом и чувством, между прошлым и будущим, между жизнью и смертью. Героини историй постоянно стоят на распутье. И зачастую только женская мудрость и интуиция помогают им сделать един-

ственно верный шаг, даже если он кажется нелогичным или страшным.

Этот сборник — приглашение. Приглашение вам пройти по следу женской судьбы, почувствовать ее пульс, услышать ее безмолвный крик и разделить ее тихую радость.

И пусть книга станет тихим голосом: «Ты не одна. У тебя ещё есть время».

Сухари

*Моей бабушке, Евдокии Михайловне,
посвящается*

Солнечный майский день. По дороге домой Иринка забежала к бабушке: мама велела проведать.

— Привет, ба! — крикнула она с порога.

Бабушка на кухне перебирала гречневую крупу.

— Голодная?

— Немного. В столовке сегодня булки с изюмом давали, не люблю их.

— Булки?! А суп?

— Не-а, суп вообще бурда, бе.., — Иринка передёрнулась, словно увидела что-то слизкое и противное.

— Всё у тебя «бе». Чем кормить тебя?

— Пышки хочу.

— С пышками повозиться придётся. Как в школе дела?

Бабушка стала замешивать тесто, Иринка сидела на табурете и щебетала:

— По истории рассказ задали про героя войны. Придётся тащиться в библиотеку.

— Зачем туда? Ты же через свой компьютер теперь всё делаешь.

— И не всё! Нам про местного героя надо рассказать, в

Инете сто пудово нет столько инфы.

— Чего нет? — не поняла бабушка.

— Ну, информации значит. Ба, а давай я про тебя рассказ напишу, как ты маленькой в войну жила. Ведь жила же!

— Нет, обо мне не надо. Нечего про меня рассказывать.

Бабушка начала нервно суетиться.

— Сходи-ка пока в магазин, хлеба купить надо, молока и сухарей.

— Опять сухари! Зачем тебе столько?! И невкусные они, никто же не ест их.

— Пусть будут про запас. Сходи... Вернёшься, пышки к тому времени подойдут, чай станем пить.

Да, будем чай пить....

* * *

— Эй, егоза, иди чай пить, — позвала мама с кухни.

Дуню не надо было звать дважды: уж что-что, а чаёвничать она любила.

В свои семь лет Дуня была девочкой рослой, лоб открытый, плечи широкие, глаза карие, озорные. «Вылитый папаша!» — бурчала иногда мама, пытаясь собрать волосы девочки в хвост. Дуня не могла спокойно долго сидеть на одном месте, поэтому заплетание было пыткой и для неё, и для мамы. Наконец, мама не выдержала и постригла коротко её волосы.

На столе стояла вазочка с сухариками, рядом нарезанный батон и варенье. Дуня принялась щедро намазывать свой кусок. Хлопнула входная дверь. Это с работы вернулась Маруся. Через несколько минут девушка уже сидела за столом с остальными, наливала чай в свою чашку.

— Мы с Эриком решили пожениться, — откусив от батона, сказала Маруся.

— Зачем это? — спросила мама.

— Как это зачем? Чтобы семья была, и я люблю Эрика.

— Но сейчас такое время, что...

Маруся перебила сестру:

— Время как время. Женятся же другие. И потом, я не хочу, чтобы мои дети росли без отца, как наша Дуня.

Дуня поглядывала то на мать, то на тётку. Про отца своего она ничего не знала, только однажды услышала, что тот «погиб в пьяной разборке».

Её расспросы о нём мать всегда пресекала. Вот и сейчас, заметив, как Дуня жадно прислушивается к разговору, резко сказала, перейдя на карельский:

— A, sinä midäbo korvat riputiit? Söit, mene pertih. Pihale älä mene: jo on myöhä¹

Дуня, дожёвывая на ходу батон, поплелась в комнату. Но любопытство скомандовало: «Стой!» И она подчинилась

¹ А ты чего уши развесила? Поела, иди в комнату. На улицу не бегай: поздно уже.

ему, спрятавшись за дверью и продолжая слушать.

— Ты беременна? — спросила мама у Маруси.

— Нет.

— Маруся, идёт война. А вдруг Эрика отправят на фронт. Будешь потом вдовой в свои двадцать два.

— Эрик сказал, что они постоянно будут здесь охранять бараки. А потом мы поедem с ним в Финляндию, к нему на родину.

— И что Эрику можно на тебе жениться?

— Конечно. Я же карелка. Он сказал, что уже добро получил у своего начальника.

— Успели бы с этим, — недовольно говорила мама.

Больше за столом не разговаривали, и Дуня, несмотря на запрет мамы, решила пойти на улицу.

По дороге она думала о разговоре мамы и Маруси. В общем-то, дядя Эрик ей нравился: молодой, весёлый, добрый. Фамилия только какая-то некрасивая — Куртти. У них в посёлке Ильинский он появился недавно, носил военную форму, иногда приходил в гости. За столом рассказывал забавные истории, от которых Маруся смеялась, а мама сдержанно улыбалась. Речь Эрика Дуне была понятна, его язык напоминал её родной, карельский. Но иногда она путалась в том, что рассказывал мужчина.

На улице девочка встретила свою подругу Зинку. Вместе они сели у забора соседского дома, и в наступающих сумерках Дуня решила открыть подруге секрет:

— Знаешь, наша Маруся замуж пойдёт.

— За Эрика, с которым гуляет?

— Да.

— Моя мамка сказала, что гулящие девки быстро надоедают, их замуж не берут.

— Наша Маруся не гулящая. Она хорошая и добрая. И Эрик её возьмёт замуж. Она сама сказала. И ещё он её любит, раз целует.

— Ты откуда знаешь?

— Я видела, как они целуются.

Дуня вспомнила, как вечером, задёргивая занавески на окне, увидела у калитки Марусю, в сером ситцевом платье и в тёплой вязаной кофте, и Эрика в его форме. Эрик прижал к себе Марусю, потом наклонился к ней и долго целовал. Маруся была такой маленькой рядом с ним.

«Вот не в нашу породу», — смеялась про неё мама. Для Дуни Маруся была настоящей красавицей: невысокого роста, с большими глазами, с тёмно-русыми волосами, убранными всегда в тугую косу. Голос Маруси, звонкий, как хрусталь, когда по нему стучишь вилкой, звенел при её смехе. Она была шустрой и быстрой. «Артуть -девка!» — от кого-то слышала эту фразу Дуня. Правда, не знала, что значат эти слова.

— А если поженятся, то уедут от вас? — вывела из задумчивости Дуню Зинка.

— Не знаю ещё. Но мама точно не хочет.

Услышав крик мамы, Дуня бросила подруге на бегу: «По-

ка!» — и скрылась за забором.

Через две недели Маруся и Эрик поженились. Стали жить вчетвером.

* * *

Несколько бараков в конце посёлка были обнесены колючей проволокой. Обычные, деревянные, похожие на некоторые постройки в Ильинском, но за колючим забором. Там тоже жили люди, как казалось Дуне, обычные, не страшные, разве что очень усталые. Дуня с Зинкой иногда прибегали сюда и наблюдали за ними. Были за этим забором и дети.

Однажды девочки увидели около него маленького мальчика.

— Ken sinä olet? Midäbo työ sie guatto? — спросили они.

Мальчик не отвечал.

— Как тебя зовут? Что вы там делаете? — повторили свои вопросы уже на русском.

Но мальчик молчал и не смотрел на них. Зинка протянула ему сухарь, который отыскала в кармане длинной юбки. Сухарь был серым, твёрдым, в крошках. Мальчик схватил его своими тоненькими ручками и стал остервенело грызть. Дёсны его кровили; наверно, подумала Дуня, болели, потому что мальчик беззвучно плакал, но продолжал жевать. В глазах мальчика была какая-то злоба, но покорная что ли. Он грыз сухарь, злился, что тот жёсткий и с трудом поддается

ему, но всё равно впивался в него своими маленькими зубками и ртом, с застывшими капельками крови в уголках губ. Грыз, давился и глотал сквозь слёзы.

Так началась «немая» дружба девочек и мальчика. Они прибегали к забору, где он иногда гулял, и старались принести другу что-нибудь. Чаще всего это были сухари: их было проще стащить из дома.

В один вечер Дуня услышала душераздирающий крик. От него хотелось спрятаться, укрыться где-нибудь с головой, бежать далеко-далеко. Страшно!

Дуня бросилась к маме. Та велела сидеть дома. Когда крики стихли, объяснила, что это выпороли кого-то из лагеря.

— За что? — спросила Дуня.

— Найдётся за что. А вы чтобы туда не смели бегать. Ясно? Поймают — и вас высекут. Поняла?

Дуня молчала.

— А если я узнаю, что бегаєте, сама тебя крапивой отхлестаю, запомни!

Дуня запомнила.

Но крапивой мать её всё-таки высекла.

* * *

Шёл 44-ый год. Эрик по-прежнему охранял лагерь, но теперь всё чаще приходил домой хмурый, чем-то озабоченный.

В один вечер он сказал, что скоро им придётся вернуться к себе, в Финляндию. Велел Марусе и Шуре собирать вещи.

— Я не поеду никуда. Мы с Дуней останемся здесь, — сказала мама.

— С ума сошла! Что ты здесь будешь делать одна с ребёнком? Целый день в колхозе. Кто за Дунькой присмотрит, меня не будет?!

— Дуня уже большая. Справимся. Не могу я отсюда уехать, всю жизнь здесь ведь. И отец с матерью тут лежат. За могилками нужен уход. Нет, не поеду. А ты собирайся!

Маруся так и не смогла уговорить сестру. Через несколько дней они с Эриком уехали, в доме совсем стало пусто и тоскливо.

Дуня в первый раз после наказания решилась пойти одна в сторону запрещённых бараков. Странно, но теперь их никто не охранял, не было и людей, не было того молчаливого мальчика. Зато в посёлке появились новые солдаты: в другой форме и говорившие по-русски.

Это был 44-ый год.

А в 45-ом Дуня осталась одна: арестовали маму. Арестовали и на пять лет отправили на лесоповал. Теперь по ту сторону, за той «колючей» чертой оказалась она — враг народа, сестра предательницы и изменницы Родине.

Мама — враг народа! А Дуня?

А Дуня — дочь врага народа. Места среди «своих» ей не было. Да, в посёлке Дуню жалели, иногда подкармливали, но

брать к себе — не брали: боялись.

Тётя Паша, соседка и подруга мамы, переживала за девочку больше всех. Она научила её топить печь, правда, сделать это было очень трудно: сырые дрова чадили и тепла давали мало. Дуня ворошила угли, обжигала пальцы, дула на еле тлеющие рейки до головокружения.

По вечерам тётя Паша приносила чего-нибудь поесть. В общем, как могла, помогала.

Девочка привыкала к новой жизни. Только ночью было тяжело. Жуткий страх давил на неё: Дуня пугалась теней, иногда пробегающих по окнам, вздрагивал от звуков, которые, как ей казалось, она иногда слышала. Сны её были беспокойны, лихорадочны. В них длинные, корявые, когтистые руки хватали её и тянули; тянули во мрак, в густую и липкую темноту.

А ещё именно ночью больше всего хотелось есть. Она грызла сухарь, если он был на эту ночь, и в тягучей тишине вспоминала того мальчика. Его молчание. Его рот с капельками крови.

Как-то вечером печь совсем заупрямилась, не растапливалась. Рейки не хотели гореть. Дуня вся извелась, пока возилась с ними. Ладони стали синими, а печь всё дымила. Усталость и страшная ночь одолели девочку: Дуня уснула. ТАМ было хорошо.

Проснулась она от того, что кто-то тряс её за плечи. От-

крыв глаза, Дуня увидела тётю Пашу. Дым выползал из дома через открытые окно и дверь.

— Ты чего это, а? — причитала тётя Паша. — *Vot olet mittuine paha tyttö! Kačo, kai on savus. A, vot typehtyit, sit midäbo?*²

Дуня плохо соображала. Наконец, поняв, что случилось, заревела. Тётя Паша долго ещё качала головой, потом села рядом и тоже начала всхлипывать. Так они и сидели бок о бок — большая и маленькая — и плакали каждая о своём. Они ревели от горя и боли, от страха и обиды, от несправедливости жизни к ним. Всё это тонуло в женских слезах, а они, как бурная река, уносили прочь накопившуюся боль. Уносили, чтобы измученные женщины продолжали бороться и жить, чтобы не пропустили тот берег, на который им обязательно нужно выбраться.

И он нашёлся.

С этого дня тётя Паша стала забирать Дуню к себе, когда совсем темнело, утром отправляла домой.

В пятнадцать лет девочку удалось пристроить в хлебопекарню. Она мыла посуду, драила котлы, соскребала грязь с полов. Позже её научили замешивать тесто и выпекать хлеб.

Жизнь налаживалась...

В 52-ом вернулась мама, выпавшая из жизни дочери на семь лет вместо присуждённых пяти. Дуне шёл восемнадцатый год: мама уже была чужой для неё — тётя Паша своей.

² Что ведь удумала паразитка! Вон дыму сколько! А задохнулась бы, а?!

Разговоры с матерью давались Дуне тяжело. Та всё понимала и на них не настаивала.

Спустя год мама стала Чогиной (вышла замуж за инвалида войны, русского, в доме которого стала прибираться по совету тёти Паши, чтобы хоть как-то прокормиться, так как на работу её не брали). Дуня, кстати, стала Чогиной тоже. Со своей прежней фамилией она распрощалась без сожаления и предпочла её забыть.

А потом в жизни девушки появился Евгений, молодой и красивый, приехавший со своим другом на побывку из армии к ним в посёлок. Когда он предложил Дуне расписаться, с удивлением узнал, что в свои девятнадцать она не умеет ни писать, ни читать по-русски. Только говорить, и то временами сбиваясь на карельский.

— Как так? — спрашивал он.

— А вот так, — убегала в слезах Дуня.

Она снова плакала, когда старалась вывести свою фамилию на бумаге — Евгений терпеливо учил её.

Затем началась новая жизнь в городе: сначала с мужем, потом с мужем и дочерьми и просто с дочерьми. Дуня крепко держалась за свой берег, преодолевая рытвины и ямы, что встречались на пути.

* * *

Сработала защёлка на замке — вернулась Иринка.

— Ты как раз к столу! — сказала Дуня. — Иди, будем пить чай.

На столе большой горкой красовались только что испечённые пышки, посыпанные сверху пудрой. А рядом, в вазочке, скромно, словно хотели остаться незамеченными, пристроились сухари.

Бабушка Дуня их очень любила.

Пылающее платье

Огонь!

Что даёт тепло и свет в темноте.

Что появляется из маленькой искры,

Но вырастает в большое пламя.

Что кормит человека и спасает его от холода,

Но сжигает его дома, леса и поля

Огонь!

Что может подчиниться и работать на тебя,

А может убить, если забудешь про него.

Огонь везде!

ОН начался раньше человека

и останется после него.

1848

Она стояла в стороне, пряча свою нерешительность за распахнутым веером. Иногда маленькой рукой в атласной перчатке поправляла чёрный локон, упрямо не желающий возвращаться на прежнее место. Лёгкий румянец просвечивал сквозь её смуглую кожу. Тёмные глаза внимательно следили за летящими в танце парами. Порхающие по паркету быстрые ножки кружили по кругу дам в лёгких воздушных платьях и их кавалеров в чёрных фраках, развевающиеся фалды которых напоминали крылья майских жуков. Подмеченное сравнение немного позабавило юную незнакомку. Осле-

питательный блеск люстры и канделябров отражался в широких зеркалах, иллюзорно раздвигающих пространство.

«Зазеркальный мир! Мир обмана даже здесь!» — отметила про себя девушка. Она задумалась и не заметила, как из дальнего угла большой залы за ней пристально наблюдали чьи-то глаза.

1980

Сотни глаз были устремлены на сцену. Девушка в белом платье, низко склонив голову, произносила свой монолог:

— Зачем вы говорите, что целовали землю, по которой я ходила? Меня надо убить. Я так утомилась! Отдохнуть бы... отдохнуть! Я — чайка... Не то. Я — актриса. Ну, да! И он здесь... Ну, да... Ничего... Да... Он не верил в театр, все смеялся над моими мечтами, и мало-помалу я тоже перестала верить и пала духом... А тут заботы любви, ревность, постоянный страх за маленького... Я стала мелочною, ничтожною, играла бессмысленно... Я не знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом. Вы не понимаете этого состояния, когда чувствуешь, что играешь ужасно. Я — чайка. Нет, не то... Помните, вы подстрелили чайку? Случайно пришел человек, увидел и от нечего делать погубил... Сюжет для небольшого рассказа... Это не то... О чем я?.. Я говорю о сцене. Теперь уж я не так... Я уже настоящая актриса, я играю с наслаждением, с восторгом, пьянею

на сцене и чувствую себя прекрасной. А теперь, пока живу здесь, я все хожу пешком, все хожу и думаю, думаю и чувствую, как с каждым днем растут мои душевные силы... Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле — все равно, играем мы на сцене или пишем — главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть. Умей нести свой крест и веруй. Я верую и мне не так больно, и когда я думаю о своем призвании, то не боюсь жизни³.

Здесь, на сцене, она играла не Нину Заречную, а саму себя, земную, реальную; играла неистово, на изломе, где для неё стиралась грань между сценой и реальностью.

Произнеся последние слова, актриса скрылась за занавесом.

Отсюда приглушённо слышны реплики других героев. Раздаются аплодисменты. И снова её выход на сцену.

Попрощавшись со своим зрителем, актёры разошлись по гримёркам.

Молодая актриса жадно затянулась сигаретой. Через пару затяжек она расслабилась и обмякла в кресле.

В дверь постучали. В гримёрку вошёл высокий мужчина с ярким букетом.

— Дорогая, ты сегодня блистала. Твоя Нина великолепна.

— Моя Нина и есть я. Обычная женщина, несущая свой крест.

³ А. П. Чехов «Чайка».

— Что-то ты мрачновата!

— Устала! Ну, да ничего, сдюжим. А теперь переодеваться и домой! Спать! Нет: есть и спать!

1848

— Кто эта юная особа, что стоит поодаль, вон в той стороне? — и молодой человек указал глазами в противоположный угол залы на высокую грациозную девушку.

— Вы не знакомы?! Это же Мари — дочь генерала К. Л. Проживает с отцом, на балах бывает редко. Весь дом и хлопоты по хозяйству на ней.

— Представьте меня ей, сделайте одолжение!

Молодые люди двинулись по направлению к девушке.

— Добрый вечер, Мари! Чудесный бал, не правда ли? — приветствовал девушку один из них. — Но вы что-то скучаете.

— Здравствуйте, Алексей Андреевич! Рада вас видеть. Нет, мне не скучно!

— Позвольте вам представить, — он указал на товарища, — Афффе, мой товарищ, молодое дарование!

— Афффе! — без притворства воскликнула Мари.

— Вы так удивились, услышав моё имя, — вступил в разговор молодой человек.

— Немного! Я знакома с вашими стихотворениями и не ожидала, что буду представлена вам лично!

— В самом деле? И как вы их находите?

— С вашего позволения я вас оставлю, литературные диспуты не для меня, — Алексей Б. откланялся паре, оставив их увлечённо обсуждать такую близкую обоим тему.

Коварно усмехалась в этот вечер Судьба, холодным взглядом следившая за теми, кому подстроила неожиданную встречу и вводила на свой тернистый путь.

1985

Она шла по широкому тротуару, шла быстро, почти бежала наперегонки с проплывающими по небу облаками.

— Эй, облака, белогривые лошадки! — крикнула громко и ускорила шаг.

Она прошла мимо него. Промелькнула, как сказочное видение. Высокая и яркая. Словно под гипнозом он двинулся за ней. Дверь театра — и вот её уже нет!

Он искал её. Искал долго. И нашёл в маленькой комнате, где она ждала его!

«Тот, кто заглянет в эту дверь первым, станет моим суженым!», — смеялась она с подругой.

И вошёл он. Вошёл в эту комнату. Вошёл в её жизнь. Навсегда!

1849

В комнате было тепло, хорошо. Они сидели рядом, держась за руки. Сухой треск поленьев, разгорающихся в камине, убаюкивал своей музыкой, приглашал к неторопливой беседе.

— Почитайте мне что-нибудь, пожалуйста, — попросила девушка.

— Что же? Неужели Вам не наскучили все эти поэтические трели?

— Я готова их слушать много раз, Аффе.

Молодой человек смотрел на девушку и любовался этим смуглым личиком, живыми глазами.

«Как она прекрасна! — думал он про себя, и через минуту уже понял, что хочет прочесть:

Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты втайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе — и судьбе я молча предаюсь.

Без клятв и клеветы ребячески — невинной
Сказала жизнь за нас последний приговор.
Мы оба молоды, но с радостью старинной
Люблю на локон твой засматриваться длинный;
Люблю безмолвных уст и взоров разговор.

Как в дни безумные, как в пламенные годы,
Мне жизни мировой святыня дорога;
Люблю безмолвие полунощной природы,
Люблю ее лесов лепечущие своды,
Люблю ее степей алмазные снега.

И снова мне легко, когда, святому звуку
Внимая не один, я заживо делюсь;
Когда, за честный бой с тенями взяв поруку,
Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь⁴.

Аффе закончил читать.

«Её глаза! Как они смотрят на него! Как манят! Как же овладеть собой, находясь рядом с ней! Боже, что за мука!»

Мари молчала.

«Как может выразить слово, что чувствует сейчас она?! Её душа словно рвётся из плена, из этих телесных оков. О, как же хочется прижаться к нему, обвить руками его шею и целовать эти глаза!»

Но светские приличия сдерживают обоих, и они продолжают свою дружескую беседу:

— Какое замечательное! — восхищённо произносит девушка.

— Как тонко вы чувствуете поэзию, Мари! Как я счастлив,

⁴ А. А. Фет «Тебе в молчании я простираю руку»

что встретил человека, который так понимает меня!

Мари склонила голову чуть ниже. На щеках проступил лёгкий румянец. Заметив, что от его слов девушке неловко, Аффе поспешил сказать:

— Поэзия — это наша душа! Но и музыка тоже. Сыграйте мне, пожалуйста.

Мари подошла к роялю. Её тонкие пальцы уверенно нажали на клавиши инструмента, и полилась она, мелодия. Лёгкая, порхающая, вселяющая надежду на счастье, уводящая за собой в страну любви.

И Аффе летел за ней, в ту страну.

«Да, музыка и поэзия неразделимы! — думал он. — Как она прекрасна!»

Музыка и поэзия навсегда связали эту пару тугим узлом, ослабить его они были уже не в силах, дышать приходилось в унисон.

1997

Леная чуть ослабила галстук, завязанный поверх блузки.

«Тугой узел, не даёт дышать!» — пронеслось у неё в голове. Она сделала глоток воды из стакана, что стоял перед ней на столе. Сегодня у неё интервью в гостиной для одного журнала. После первого блока вопросов о ролях в театре и её премьере в новом спектакле решили сделать перерыв. Женщина наслаждалась этой передышкой.

К ней подошла журналистка.

— Ленайя, это не для статьи. Мне всегда было любопытно, почему вы не взяли себе псевдоним?

— А зачем? Скрывать за ним своё происхождение? Но я не стыжусь своих корней. Да, я провинциалка, родом из маленького захолустного городка, да, мои родители — простые трудяги. Или мне нужно было взять псевдоним ради звучности? Но моё имя и так звучит! Ленайя в одном из языков означает «факел». Вот я всю жизнь и горю, освещаю свой путь себе сама. Так что лучше останусь с прежним именем.

— Спасибо. Ну что, продолжим наше интервью?

Ленайя кивнула.

— Мы говорили о профессии актера. Но не спросили главное: кто ваш тыл?

— Муж. Он художник.

— Тоже творческая личность. В семье два сумасшедших?

— Ну, конечно. Мы оба... и я тоже художник в большом смысле слова, так что мы оба сумасшедшенькие, конечно. Иногда кто-то трезвее, кто-то опьяняется больше. Но в принципе как-то взаимозаменяемы, помогаем друг другу, стараемся, что ж делать.

— А как же стереотип, что гениальность требует страданий и раздрызганной жизни?

— Ой, не надо. Когда есть дом и человек, который поймет, поругает, похвалит или пожалеет — тогда и в тяжелой профессии можно жить с восторгом.

— И последний вопрос: Вы верите в судьбу?

— Я верю... в огонь, — Леная рассмеялась. — По-моему, он давно меня приметил.

Журналистка удивлённо вскинула бровь, но никак не прокомментировала эту фразу.

— Ну что ж, Леная, спасибо за интервью. Удачи вам и вашему новому спектаклю.

Она шла по переулку, пытаясь прикурить на ходу. Слабый ветер мешал разгореться огоньку; маленькие искорки вспыхивали, кружась в сыром воздухе, и падали вниз.

«Даже вы быстро гаснете, — подумала она про себя, в очередной раз чиркая зажигалкой, — вспыхнул—погас! Вот и я вспыхну на сцене, а потом меня сменит кто-то другой, и я погасну. Нет! Надо играть, гореть, чтобы не погасла!» — гнала она чёрные мысли от себя.

«Как она, эта журналистка, там сказала: сумасшедшие?! Да, мы с Сержем такие, но как без этого?!»

И женщина шла дальше, пытаясь понять, а можно ли ей жить по-другому, вспоминала свои безумные выходки в самолётах и на поездах, чтобы ощутить весь драйв жизни, почувствовать её всю. До самой макушки! Но сделать всё это ей не давали!

«И чего тебе, Ленайка, не хватает?!» — кричали все они.

«Мой дорогой друг, я так счастлив, что нашёл своё сокровище. Нас связала поэзия. Ты знаешь, мой друг, как я люблю творчество Жорж Санд, её едкий язык, её образы. Так вот m-lle М. всё это тоже импонирует. Она очарована французенкой. Мы много говорим о смелости Ж. Санд и её таланте, о бесстрашии менять себя и не взирая на мнение света. Её решительность пересечь из ложи в партер к мужчинам и переодеться после в мужской костюм захватила наше воображение. Если б ты видел, как живо откликается М. на мои стихи! Какой она ангел!»

Аффе закончил писать письмо, запечатал его и оставил на краю стола.

«Завтра надо не забыть отправить», — думал он, укладываясь спать. Но впечатления дня никак не давали уснуть.

«Мари, ты ниспослана мне небесами!»

Он улыбался про себя, но вдруг нахмурился от одного воспоминания. Сегодня, да сегодня, поэт ощутил укол ревности. Глупо, конечно! У такой умной, музыкальной, начитанной девушки должно быть много знакомых. И даже Л.

И Аффе вспомнил, как листал альбом Мари. Рисунки, записи к ним — всё как у любой барышни. И вдруг среди этих листков он увидел нотную запись. Мари без жеманства объяснила, что Л., известный композитор, бывал гостем в их доме, а перед отъездом из России (а это было уже год назад, как она клялась!) написал для неё эту мелодию.

О, как он разозлился! Ревнивец! Даже слушать её не захотел и выбежал в сад!

Но нужно было возвращаться. Подходя к дому, он услышал необыкновенной красоты звуки, тончайшую мелодию. Афффе почувствовал, как они томят его, как его бросает в дрожь от музыки, как сердце изнемогает от любви. Это и был Л. Но играла Мари для него, Афффе! Разве можно к этому ревновать?

Мари тоже не спала в ту ночь. При колеблющемся пламени свечи она читала. На листке были знакомые ей строки:

Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты втайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе — и судьбе я молча предаюсь.

Но вот свечи потушены, комната окутана мраком. Темнота проникла во все её уголки, накрыла своим невесомым одеялом каждого. А ночь, мягко ступая босыми ступнями, прохаживала по дому хозяйкой, забирала с собой все тревоги дня, оставляя лишь прохладу струящегося шлейфа.

1997

«И чего тебе, Ленайка, не хватает?

Перспективная актриса, роли в театре и кино, любимый

муж Серж, замечательный художник. Квартира. Всё же есть! Или не всё? Зачем ты всё время играешь со смертью, бросаешь ей вызов?»

Какая-то усталость навалилась всей тяжестью.

«Да, я устала быть сильной, устала зарабатывать на всех и содержать всех, устала разруливать чужие проблемы. Я так давно не отдыхала. На мне дом, семья, счета, покупки. Серж носится со своими картинами и не вникает в житейские дела. Он совсем оторван от действительности.

А я? Почему никто не думает обо мне? Так чего же мне не хватает?»

Женщина засыпала. Она не стала гасить ночник: темнота страшила её, сыгранные роли не отпускали, вставали перед глазами.

Эти демоны... Они не уходили даже во сне. Уносили в детство. Вот она, маленькая девочка, играет на берегу. Какие-то мальчишки резвятся рядом. И вдруг... Они хватают чайку и окунают в солянку, потом поджигают и отпускают. Горящая чайка мечется над водой, издавая пронзительный, душераздирающий крик. И вот.. Эта чайка летит прямо на неё — рыжая, шипящая, воняющая палёным — и почти касается!

О, огонь! Разрушительный и уничтожающий! В то же время такой сладостный! Такой притягательный! Он заметил тебя!

Тишина в комнате. Мягкий свет ночника выхватывает тень, беспокойно скользящую по стене возле кровати. Тень женского тела. Что за муки испытывает оно? Кто рвётся из этой тёплой плоти? Кто так сладостно мучает её?

Но эту тайну забирает с собой ночь: сейчас её время.

1850

Дни пролетали незаметно. Рядом была она, Мари. Душа рвалась из тела навстречу любви, душа растворялась в счастье. Оно было повсюду, где появлялась она. В гостиной, где играла для него; в саду; во снах, куда приходили мечты о ней. Счастье топило их своими потоками, и они ныряли в них и плыли навстречу друг другу.

Ах, если бы так было всегда!

Но всё чаще Аффе замечал встревоженные взгляды отца Мари, всё больше чувствовал некое напряжение. Друзья намекали, что пора бы, наконец, сделать девушке предложение; родственники Мари косо смотрели, взглядом требуя решительных шагов и действий.

Он и сам понимал, что ставит девушку в неловкое положение своим очередным посещением. Но как отказаться от неё? Как отвернуться от своего счастья? Он хотел быть рядом с ней всегда! Но разве это возможно?! Оба бедны. Что могут они дать друг другу, кроме чувства? Ни-че-го!

На следующий день молодые люди сидели у камина. Аф-

фе вздохнул, поёжился точно от холода и заговорил:

— Выслушайте меня, Мари! Мою историю о боли и позоре.

Я незаконнорождённый и бедный, как церковная крыса. Это такая несправедливость! Ведь я же дворянин и имею на это все права!

Он горько рассмеялся.

— Права?! — в голосе слышался надрыв. — Только вот церковь посчитала иначе: решив, что я рождён до брака, они отняли у меня имя и титул. Моё имя.... Понимаете?

Он обращался к Мари, но смотрел сквозь неё.

— Я дал себе слово, что верну его, обязательно верну! Поступил на службу — через полгода ждал офицерский чин. Только вот Судьба опять надо мной посмеялась: император решил, что потомственное дворянство следует давать только со старшего офицерского звания. А это значит — ждать мне ещё 15 или 20 лет.

Аффе замолчал. Мари сидела рядом, боясь дышать, глаза её были полны слёз.

— Право, мне так жаль...

Он поднял голову; лицо, словно судорогой, свело страданием и какой-то внутренней борьбой.

— Сегодня мы видимся в последний раз. Я должен отказаться от вас, ибо наш брак невозможен. Я беден, вы тоже. У нас нет будущего! Простите!

Мари словно окаменела. Наконец произнесла помертвев-

шими губами:

— Но я никогда не посягала на Вашу свободу! Всё, что мне нужно, это просто видеть Вас и общаться с Вами! Без этого моя жизнь бессмысленна. Вы удивительный поэт и ещё прославите своё имя стихами. А суждения людей меня не волнуют, их сплетни не в силах разрушить моё чувство. Не оставляйте меня, прошу!

«Ей ничего не нужно от меня! Она так верит в меня! А я... Как же я жесток!

Да, я трус! Но не могу я иначе! Не хочу всегда прозябать в нищете! Не могу!»

Мысли пронеслись в голове с невероятной быстротой.

— Простите! — Аффе подошёл, наклонился к Мари и поцеловал её руку. — Прощайте!

Он почти бежал из гостиной. Бежал прочь от своей любви, своего счастья. Сжигал за собой мосты и оставлял лишь серый пепел и чуть тлеющие угольки, которые больше не раздует. Он хоронил своё счастье.

1997

Сквозь неплотно прикрытые шторы проникнул первый луч солнца. Он проплясал по небрежно брошенной на полу одежде, затем скользнул по бокалам с остатками кровавистой жидкости в них, игриво прыгнул на кровать и пощекотал нос одного из спящих. Женщина отмахнулась от него,

повернулась на спину и лениво потянулась. Она с трудом открыла глаза, но снова прикрыла веки, почувствовав жуткую боль в голове. Там тяжело складывался пазл вчерашнего вечера: пляшущие и смеющиеся гости, звонкий стук соприкасающихся бокалов, отрывистые фразы из нового сценария. Весёлый, пьяный вечер, где главная роль принадлежала опять ей.

Весёлый вечер и такое тяжёлое утро!

Женщина посмотрела на того, кто спал рядом.

— Серж, вставай! — позвала она. — Пора!

Мужчина открыл глаза. Ему почему-то совсем не понравился улыбающийся с утра луч солнца.

— У меня голова трещит. Мне нужно ещё поспать.

— У меня тоже трещит. Но я иду на репетицию, а ты остаёшься наводить порядки в квартире.

— Опять я?

«А кто же? — задала сама себе вопрос. — Я работаю и тяну всё на себе, решаю все проблемы; ты сидишь дома».

Лена на минуту погрузилась во вчерашний вечер, на котором бурно отмечали удачное спасение мастерской Сержа.

Приняв душ и наскоро собравшись, женщина поспешила в театр. Весь день режиссёр был недоволен её опозданием, голова трещала, раздражение всё росло. Роль давалась с трудом!

Скорей бы домой!

Чёрные мысли опять уводили за собой, погружали в лип-

кий, мерзкий, тёмный плен.

Скорей бы домой!

Дома, на кухне, восседала Майя Максимовна, мать Сержа. Она укоризненно посмотрела на Ленайю, сдержанно поздоровалась. Серж говорил ей что-то о своих планах.

— Обеда хорошего у вас и сегодня нет, — сказала све-
кровь.

— Мама, пообедать мы можем и в столовой. У Ленайи напряжённый график, много ролей. Ты же знаешь, какая она актриса!

— Главное, чтобы женщина была хорошей хозяйкой и женой, а какие у неё роли и какая она актриса, не так и важно!
«Только эти роли кормят всех вас!»

Чёрные и злые мысли опять проснулись.

— Я пойду, прилягу, голова болит, — только и сказала она.

В комнате тяжело опустилась на кровать. Усталость навалилась со страшной силой. Усталость склонила её к подушке.

Детский плач. Откуда он раздаётся? Почему плачет ребёнок? Чей это ребёнок?

Она идёт на его зов, пробирается сквозь легко осязаемые деревья, отводит от лица их ветки. Ребёнок зовёт её, манит, протягивает к ней тонкие ручки и... исчезает.

Опять исчезает. Этот сон! Он преследует её. Зачем?

Матерью она никогда не будет. Но разве в том её вина?
Никогда! Но ведь Серж любит её и так?!

— Серж! — позвала она.

Тишина. Леная поднялась и медленно побрела на кухню.
Короткая записка на столе: «Я в мастерской

Опять в мастерской. А она здесь одна. И опять ей одной
справляться с ночным кошмарами и биться со своими демо-
нами.

Неужели это и есть её судьба? Её счастье? Разве за таким
она гналась, ради такого оставила родной дом?

Осень, 1850

Поздний вечер. Тёмная комната слабо освещена тусклой
лампой. Девушка сидит перед ней как застывшее изваяние.
Губы её крепко сжаты. Мысли тихонько следуют вдоль тро-
пок памяти...

Среди воспоминаний тепло, а в душе мертвящий холод.

«Он больше не придёт, не напишет. Я одна. Совсем одна.
Здесь, как в ледяной пустыне. Холодно».

Мари посмотрела на лампу и увидела бабочку, прилетев-
шую на свет.

«Глупая, ты летишь на свет и гибнешь, — думала она, на-
блюдая, как хрупкие крылья пожирало пламя лампы. — Я
тоже гибну здесь без него...»

Мари порывисто встала, не заметив в своей задумчивости

падающую на пол лампу.

Звук разбитого стекла. Рядом какой-то яркий, жаркий свет.

«Почему он так близко ко мне? Почему так горячо?»

Рыжая кровожадная пасть вцепилась в белое кисейное платье и пожирала его своими огненными клыками. Она была слишком прожорливой и ненасытной, чтобы отступить от жертвы.

«Какая сегодня светлая ночь!» — просыпается хозяин дома. Он выглядывает в окно, в сад.

Горящий живой факел мечется по нему. Слышен последний крик:

— Au nom du ciel sauvez les letters!⁵

Четвёртый день на исходе.

Мари открыла глаза, с усилием посмотрела на родных; боль оглушала её, губы что-то шептали.

Она прощалась с этим миром, с отцом и сёстрами, с любимым садом, где гуляла с ним...

Мари уходила. И только любовь забирала с собой.

За неё огненный жертвенник потребовал очень высокую цену — жизнь! И он получил своё!

Август, 1997

⁵ Фр. «Во имя неба, спасите письма!»

Суббота. Ленайю разбудил шум. Кто-то громко разговаривал на лестничной площадке.

«Ну чего они там орут?! Ночь и так была плохой!»

В квартире никого. Серж? Наверно, опять в своей мастерской.

«Нет, не поеду сегодня никуда, скажу, что больна!» — решает женщина.

День вступал в свои законные права, солнце грело. В открытые окна врывались запахи разогретого асфальта, бензина проезжающих машин. Слышались крики детворы, движение шумной улицы нарастало.

День-то вступил в права законно, а вот непонятный зуд в сердце бесцеремонно и нахально отвоёвывал в нём место. Ленайе было беспокойно. Тревога подчинила её всю себе, мучила и изводила.

Чтобы как-то справиться с нервами, решила заправить любимую лампу керосином: её свет ночью всегда успокаивал, поэтому за ночником она следила. Сегодня руки дрожали. Немного керосина пролилось и расплзлось по платью.

«Чёрт! Хочется курить, успокоить нервы».

На лестничной площадке спичка чиркает о коробок.

Чирк! Ещё раз чирк!

И вот она — сила огня! Маленькая спичка, прочно угнездившись на шифоновом платье, зажгла огромный факел, факел из человеческой плоти.

«Какая голая и коричневая! — думал грузчик одной булочной, глядя на фигуру, вбегающую по ступенькам служебного входа массивного театра. — Наверно, кино снимают!»

Голая и коричневая пробежала мимо вахтёрши и вскоре упала. Коричневый наряд её был создан из необычной ткани: человеческой кожи, волос и платья, которые превратились в горелую корку, сочащуюся кровью. Модельер такого страшного, ужасающего наряда всегда один — пламя! В этот раз оно не успело создать только маску — лицо было не тронутто огнём: на нём застыла гримаса боли. Она была настоящей: такую на сцене не изобразишь, такой не научат ни в одном театральном институте.

Этим же вечером Ленайи не стало. Тот, кого она так часто дразнила и приводила в ярость, её победил!

Нет тебе равных по власти и мощи! Нет тебя красивее и величественнее на планете.

Две макушки

«Да, Перун сегодня не на шутку разгневался! Такие потоки!»

Почему-то сейчас Маше вспомнился этот грозный бог, когда они шли под проливным дождём. Его водяные струи косо летели на землю и сливались с бурным потоком, бежавшим по асфальту. Властный дождь!

Но Маше он был нипочём. Она только смеялась, глядя на взъерошенные короткие волосы мужа. Оба уже давно промокли до нитки, но шагов своих не ускоряли. Они шли, держась за руки и шлёпая по лужам, высывали языки и ловили ими капли дождя. Пробегавшие мимо прохожие прятались под зонтами и недоумённо смотрели на сумасшедшую парочку. А она продолжала дурачиться.

Дома, скинув с себя мокрую одежду, сразу юркнули в кровать, под тёплое одеяло. Долго смотрели в счастливые глаза друг друга.

— Вы не заболете? — спросил Илья, приложив руку к округлому животу Маши.

— Нет, всё хорошо.

Илья повернул голову, посмотреть на время.

— Эти твои две макушки такие забавные! — Маша потрепала рукой по голове мужа.

— Нашла чего забавного! Макушки как макушки. Хотя

на работе мужики смеялись: сказали, что две макушки у тех, кто дважды женится или двоих детей родит.

— Да? — приподняв бровь, спросила Маша.

— Да! Но ты не переживай. Я предпочитаю второй вариант, так что после девочки Варечки отправимся за мальчиком Сашенькой.

— Почему ты так уверен, что будет девочка? УЗИ только через неделю.

— Знаю и без твоего УЗИ. Меня ждёт девочка Варечка, — и Илья вновь ласково провёл рукой по животу Маши.

Маша рассмеялась! Как хорошо ей сейчас было! А потом они уснули, зарывшись в крепких объятиях друг друга.

Тяжёлый звук заставил проснуться. Маша открыла глаза. Уже утро. Вот и всё. Счастливые воспоминания улетучились вместе со сном.

На кухне что-то готовила старшая дочь. Завтраки она всегда делала себе сама.

Начиналась новая рабочая неделя. Попрощавшись с детьми, Маша быстрым шагом направилась на работу. Библиотека открывалась для читателей в десять часов, но сотрудники обязаны были приходить раньше, чтобы проверить порядок на полках, сделать сверку с картотекой.

Она работала в отделе редких книг. Читатели заглядывали сюда не так часто, как к другим. Здесь всегда царила тишина. Маша любила эту атмосферу, это своё маленькое, замкнутое

пространство. Время в нём будто замирало. И не было места для спешки и суеты. Только она и книги, которые помогали отвлечься от проблем, от одиночества и давящего страха по ночам. Сны, как сегодня, приходили к ней редко. Чаше чёрный мрак затягивая узел у горла и не давал вырваться.

Коллеги по работе уже заваривали утренний чай. За ним, как обычно, хвастались проведёнными выходными на дачах, рыбалками мужей.

— Вот и я ей говорю: раз дарит такие букетища, значит при деньгах мужик, хватать надо.

Маша пропустила начало разговора и не сразу поняла его суть.

— Кого хватать? — переспросила она.

— Мужика, конечно, кого ж ещё-то! — усмехнулась Галя.

Она работала в отделе иностранной литературы.

— А та что? — спросила Вика, напарница Гали.

— Сомневается. Говорит: вдруг аферист.

— Да, это тоже может быть.

— Ну, может. Но он столько роз уже подарил! Разориться на них можно. Все такие шикарные, бархатные, на длинных стеблях. Не из дешёвых!

— Но ведь шикарные розы — это ещё не показатель души человека. Можно и полевые подарить и осчастливить! — сказала Маша, отламывая кусочек печенья.

— Полевые?? Машка, ты точно дурная. Какие ещё полевые?

— Ромашки, васильки.

— Да, с такими запросами мужик тебе такой же и достанется! И будет ему хватать только на ромашки! — съязвила Галя.

За столом все рассмеялись. Маша не обижалась, привыкла. Такие разговоры велись часто.

«Мне и дарили ромашки».

После чая разошлись по отделам. Маша проверила по датчикам температуру и влажность помещения, ещё раз пересмотрела книги, которые нужно было отдать в отдел реставрации. Ещё скоро на базе библиотеки должна была пройти конференция, поэтому ей поручили подготовить материалы для стендов и отыскать нужные книги.

Какая-то неуловимая мысль не давала покоя, что-то, о чём говорили за утренним чаем. Всё время отвлекаясь на неё, не могла сосредоточиться на работе. Ещё этот доклад! Маша уже нашла травник-лечебник самого Ивана Грозного и «Врачебное веществословіе» М. Максимовича-Амбодикс. С увлечением прочитала о травах, которые использовали тогда в алхимии. Но вот с темой для завершающего выступления на конференции так и не определилась. Всё ей казалось сухим и не стоящим внимания слушателей.

Расстроенная, она стояла у стеллажа, как вдруг, наконец, поняла, что её мучило с утра

Точно! Цветы... Но не как доказательство толстого кошелька. Нет! Цветы умеют говорить... о чувствах человека,

о любви!

Какой богатый материал по этой теме можно представить! Гвоздика полосатая, жёлтый гиацинт, кричащий о ревности и зависти; лилии...

А роза?!

В поиске информации для конференции Маша открыла для себя имя учёного Цингера⁶. Именно из его статей она многое узнала о цветке. Оказывается, изначально он произрастал лишь в Древней Персии, а оттуда был заимствован греками. Каких только фактов не приводилось в книге!

А ещё была роза из «Маленького принца». Притягательная, самовлюблённая, эгоистичная. Но только не для Принца и самого Антуана де Сент-Экзюпери! Его роза — жена Консуэло Сандовал.

Романтическая история любви этой пары всегда возвращала Машу к своей, пусть и не такой возвышенной, но зато искренней, настоящей. И пусть ей не посвящено ни одной строки, как Консуэло, и не было такой романтики в небе, как у писателя и его возлюбленной, любовь у неё была!

Маша встряхнулась от наваждения. Да, ключевое слово «БЫЛА». Она берегла её, как хрустальный цветок. Носила в сердце, чутко прислушивалась к его желаниям. Не уберегла! Он разбился.

Всё, пора возвращаться...

Тема для выступления найдена.

⁶ А. В. Цингер «Занимательная ботаника. Розы».

Уже в прихожей Маша услышала споры.

«Опять что-то не поделили!» — отметила она про себя.

— Привет! В чём дело опять? Чего кричите?

Младшая, Василиса, сидела надувшись на диване. В уголках глаз поблёскивали слёзы.

— Ничего, — огрызнулась Варя, старшая. — С ней невозможно разговаривать, — бросила она на ходу и ушла в свою комнату.

— Ну, что случилось? — подсела Маша к дочери на диван.

— Она опять у меня берёт всё без спросу, роется в моих вещах! А когда я попрошу, ничего не даёт!

— Да, есть такое у нашей Вари. Не злись. Я поговорю с ней.

— А толку-то! Сколько говорили уже! Всё должно быть только у неё!!

— Ну не злись, солнце. Что поделаешь, если такой характер! Пойдём лучше посмотрим, что приготовить.

За ужином немного поговорили, но душевной беседы не получилось. Обе дочери были надуты друг на друга, Маша же погрузилась в свои мысли.

Перед сном она зашла в комнату к Варе.

— Варя, ты стала постоянно тиранить Ваську. Так нельзя.

— Не тираню я. Вечно ты её защищаешь. Всё время на её стороне.

— Нет, не всё время. Надо же иногда думать о других. У тебя только свои интересы.

— Мои интересы в этом доме вообще никого не колышут!
— злилась дочь.

— Ну, нет же! Мне важны и они. Но тебе надо быть терпимее к сестре!

— Вот ты и будь! А от меня отстаньте!

Да... поговорили. В последнее время бесед не получалось совсем. Варя замкнулась. Часто огрызалась, всё больше ревновала к младшей. Маша помнила про переходный возраст, но понимала, что её расставание с Ильёй тоже этому способствовало.

Она была любимицей отца, выпрошенным у небес и звёзд ребёнком. Как же он ждал её! Как радовался её появлению на свет!

А дальше... Первый Варин шаг — вместе с ним, первая поделка в садик — от него, первое слово — для него!

Маша порой удивлялась, как так можно любить ребёнка? Даже не любить — боготворить!

Нет, Василису, Василёчка, Илья, конечно, тоже любил. Очень! Так получилось, что вместо мальчика Сашеньки через два года аист принёс им ещё одну девочку. Серьёзную, с любопытными глазками, со светлыми волосиками на маленькой голове. Но Маша и Илья были благодарны аисту за такое чудо. Две девчонки ещё лучше!

Помнится, как он увидел Василису первый раз.

— Вау, мои волосы (Варя родилась с тёмными длинными и была похожа на Мауглёныша) Моя порода! Точно не со-
врали про две макушки. Две девчонки у меня! О, нет: три!
— и сграбастал Машу в свои объятия.

Да, как давно это было! Теперь всё не так! И ничего из-
менить нельзя!

На следующий день Маша продолжила отбирать книги
для конференции. Она всё больше убеждалась, что в заклю-
чении обязательно расскажет о языке цветов и чувствах, ко-
торые они помогают выразить. Не жить же одной наукой!

Её работу прервал телефонный звонок! Незнакомый но-
мер!

— Слушаю, — строго прозвучал её голос.

— Привет, это я! — раздалось в ответ родное, знакомое.

— Привет! Новый номер?

— Не мой. Дали позвонить. А свой телефон пришлось
сдать. Здесь у всех забирают. В общем, я в учебке под Пите-
ром. Под мобилизацию попал.

— Как? Почему? — Маша всё не могла сосредоточиться
на услышанном.

— Вот так! Я же военнообязанный, офицер. И по возрасту
ещё подхожу.

— Но почему ты раньше не сообщил. Не попрощался?

— Не знаю. Боялся.

— Боялся?! А сейчас?

— А сейчас голос хотел услышать твой... Ладно, будет возможность, ещё позвоню. Не злись на меня. Пока!

В трубке раздались гудки.

Маша так и осталась стоять, потрясённая новостью.

Они давно уже не жили с Ильёй одной семьёй, но совсем чужим он для них не был!

Чужим! Как же так получилось, что такой родной, понятный, любимый стал холодным, далёким и отстранённым?!

Этот рабочий день дался Маше с трудом. Даже истории о цветах больше не будили её воображение, не увлекали в мир красоты и гармонии. С трудом доработав до конца, женщина вернулась домой. Детям про отца она пока не стала ничего говорить.

— Мам, классуха велела напомнить, что завтра собрание. Явка СО! — вынырнув из комнаты, быстро проговорила Варя и тут же скрылась обратно.

— Что значит СО? — Маше пришлось повысить голос, чтобы дочь её услышала.

— Строго обязательна!

— Господи, ну и сокращение! Хорошо, постараюсь успеть.

Вечером, невольно, она потянулась к альбому. Их первому совместному альбому. Тогда ещё фотографии печатали в фотостудии. Отщёлкав в мыльнице плёнку на тридцать шесть кадров, бежали сдавать её и с нетерпением ждали пух-

лого конверта с матовыми снимками.

Их свадьба... Скромная, с небольшим количеством гостей.

«Какой же ты тут красивый!»

Дальше шли фотографии Вари. Они старались запечатлеть каждый её шаг, каждое движение. Вот Илья катит коляску, а тут бросает снежок малышке.

А это страницы с фото Василёчка, ползающей по полу в ползунках. На следующих она уже размазывает кашу по личику и дёргает Варю за хвостики.

Сколько тёплых воспоминаний! Сколько счастья было тогда!

Где оно теперь?!

Маша задавала мучивший её вопрос ни один раз: когда она проморгала своё счастье, где сделала не тот шаг? Корила себя беспощадно.

Со стороны всё было банальной историей: заел быт, ушла романтика из отношений, появилась друг...

Нет, об этом Маша вспоминать вообще не хотела. История-то банальная, но горе ЕЁ, личное, жгучее, острое.

Отношения дали трещину на одиннадцатый год семейной жизни. Илья стал задерживаться на работе, дома говорил мало, только по-прежнему играл с детьми. Маша надеялась, что кризис пройдёт и всё образуется.

Но дни продолжали быть хмурыми и серыми, сама она стала нервной и раздражительной. В одну из смен еле сдер-

жалась, чтобы не нахамить пожилому читателю.

«Всё, хватит! Надо принимать решение».

В субботний вечер вызвала Илью на откровенный разговор.

— Ты понимаешь, что наши отношения зашли в тупик? Что происходит? Почему ты так изменился?

Она буквально сыпала вопросами, потому что боялась, что слёзы помешают выяснить всё.

— Ничего не происходит. По-моему, ты стала очень нервной и зря накручиваешь себя.

— Я? Накручиваю?

— Да! Тебе надо отдохнуть, выспаться, хотя бы в выходной. И мне, кстати, тоже.

И он ушёл в спальню. Маша села на стул. По щеке катилась слеза, давно уже искавшая выход. Холодный, пустой разговор! И ни одной попытки обнять её, приголубить.

Прошла ещё неделя. Илья старался не задерживаться, по вечерам играл с дочками. Но уже не интересовался Машиной работой. Раньше он обо всём её расспрашивал, они вместе смеялись над его шутками, над забавными вопросами детей. Раньше, но не теперь...

Шло время: неделя, вторая. В их доме было всё так же пусто и холодно.

В среду Илья вернулся очень поздно. Он был пьян. Из его отрывочных речей Маша поняла, что есть некая Лиза, о ко-

торой он всё время думает, но она его «динамит».

Вот тебе и счастливая семья! Нутро словно пронзило колючими, ледяными иголками. Очень больно!

На следующий день Илья попросил её всё забыть, сказал, что сморозил глупость. Ничего нет! Есть только она, Маша, и девочки. Есть семья, которую он любит.

А Маша всё ещё слышала слова, брошенные вчера. Её будто отхлестали ими по лицу.

Через два месяца их развели.

Илья иногда звонил, интересовался делами девочек, навещал их. Самым страшным для него оказалось то, что Варя, любимая маленькая принцесса, вычеркнула его из своей жизни. Василиса была мягче, терпимее. С ней он разговаривал. А Варя...

Маша пыталась убедить её, что Илья — их с Василисой отец, что он их очень любит. Но Варя и слушать ничего не хотела. Она страдала не меньше; маленькое сердечко болело, и часто Маша слышала, как дочь плачет по ночам в новой квартире. Её детская боль была слишком сильной, чтобы простить отца. Маша надеялась, что со временем Варя успокоится и примет Илью снова.

Потекли их новые дни, дни маленькой, осиротевшей семьи, где очень трудно было поддерживать тепло и нужно постоянно дуть на тлеющие угольки, чтобы они совсем не погасли.

Обо всём этом вспомнила Маша, листая альбом! Всё, по-

ра спать!

Вечером, в среду, пришлось идти в школу на собрание к Варе. Обсуждали обычные вопросы: успеваемость, поведение, сбор денег на нужды класса.

Ирина Евгеньевна, классный руководитель Вари, попросила Машу задержаться.

— У Вари снизилась успеваемость. Она стала дерзить учителям.

— Да, я вижу, что моя дочь изменилась. Мы разговариваем с ней, но пока безрезультатно.

— Я понимаю, что у вас проблемы в семье, уход отца мог травмировать девочку, — продолжал учитель. — Может быть, стоит обратиться к психологу?

«Что вы понимаете? — хотелось сказать Маше. — Что вы знаете про это всё, про слёзы моих детей. Про боль в сердце, про пустоту внутри?»

Но вместо этого она улыбнулась и твёрдо ответила:

— Нет, психолог не нужен. Мы справимся. Отметки не самое важное в жизни. Голова у неё есть — исправит. Со всем остальным и с поведением Вари я разберусь.

— Вы так считаете? — приподняла бровь Ирина Евгеньевна. — Не упустите свою дочь!

— Не упущу, не переживайте. Своих девочек я не упущу и никуда не отпущу. Всего хорошего! Спасибо за рекомендации и советы.

И Маша вышла из кабинета, намеренно громко стуча каблуками туфель. Что-что, а жалеть себя она не позволит никому! И детей своих не отдаст никому!

По пути домой Маша купила торт. Войдя в квартиру, весело сказала:

— Ну что, проголодались? Ставьте чайник, у меня вкусняшка.

— По какому поводу? — спросила Варя.

— А разве нам, таким хорошим и классным, нужен повод? Маша подмигнула Васье как своей сообщнице и добавила:

— На собрание твоё сходила.

— А, ну тогда понятно. Лечить будешь.

— Лечить? Нет. Просто будем пить чай!

В этот вечер у них за столом царило оживление. Девчонки дурачились. Рассказывали про одноклассников, про пакости, что устраиваются в школе, про своих учителей. Вечер, что был самым дорогим для Маши сейчас. Только она и её девочки! И не нужен им никакой психолог!

В четверг в библиотеке проходила конференция по редким видам растений. Лекторы сменяли друг друга. Маша слушала про алхимию, про корень нирна для зелья невидимости, про лаванду, защищающую от магии. Ей было очень интересно узнать, как же всё-таки воины улучшали владение стрелковым оружием, применяя собачий корень. А ещё она

отметила для себя, что все растения, используемые в магии, были ядовитыми.

Настала её очередь выступать.

— Сегодня много говорили о пользе, — начала она, чуть хрипловато. — О корнях и зельях. Но цветы — это ведь не про тело. Это про душу. У цветов свой язык.

В зале стало тише.

— Да, цветы разговаривают с нами, — продолжила она. — Вот, например, красный тюльпан. Он поможет вам убедить свою вторую половинку в вашей настоящей любви к ней; белая лилия раскроет чистые помыслы; а хризантема укажет на искренность и открытость вашей натуры.

Маша оглядела зал и продолжила:

— Есть одна роза у Антуана де Сент-Экзюпери... Капризная, колючая, несносная. В притче «Маленький принц» её прообразом стала Консуэло Сандовал.

Все вокруг твердили, что эта женщина приносит одни проблемы. И в гибели Экзюпери в 1944 году тоже обвиняли её.

Но лётчик любил Консуэло, свою розу. Потому что за шипами разглядел самое незащищенное сердце. Он говорил: цветы надо судить не по словам, а по делам. И что мы в ответе за тех, кого приручили.

— Знаешь... моя роза... я за нее в ответе. А она такая слабая! — читала Маша. — И такая простодушная. У нее только и есть что четыре жалких шипа, больше ей нечем за-

щищаться от мира.⁷

Она перевела дыхание и закончила:

— Букет за тысячу рублей не заменит одного полевого цветка, сорванного с любовью. Язык цветов — это не про цену. Это про правду. Спасибо.

Зал зааплодировал. Не бурно, но тепло. Кто-то кивал, кто-то задумался.

После конференции молодой лектор, что всё выступление не сводил с неё глаз, подошёл и сказал:

— Мне очень понравились ваши истории о цветах. Всё было эмоционально, ярко, нестандартно.

— Спасибо. Я старалась. Ведь говорила о чувствах.

— А какой ваш любимый цветок, если не секрет?

— Секрет.

— Тогда придётся угадать. Точно не роза.

— Почему не она?

— Хоть вы и рассказали такую вдохновляющую и пронзительную историю любви, думаю, сам цветок восторга у вас не вызывает. Напыщенный!

— Возможно.

— Давайте мы продолжим нашу беседу где-нибудь за чашечкой чая!

— Извините, я тороплюсь. Меня дома ждут дети.

На слове ДЕТИ Маша сделала особый акцент. Пусть зна-

⁷ Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц». Москва, «Эксмо», 2008

ет, что она девушка не свободная.

— Ну что ж, может быть, в другой раз?

— Может быть. Всего доброго!

И Маша помчалась домой. По дороге подумала: стоило всё-таки согласиться на чай или нет? Нет! Пройденный этап! После расставания с Ильёй несколько раз пыталась завязать новые отношения. Вот именно: пыталась! Ничего хорошего из этого не выходило. В новом знакомом настойчиво искала черты бывшего мужа! Ну что за дура такая! Однолюбка! Доживай теперь свой век одна!

Шли дни. Несколько раз звонил Илья, рассказывал про учёбу, про стрельбы на полигоне, про свой армейский быт. Говорил, что совсем скоро их отправят в зону боевых действий. От этих слов становилось не по себе.

А потом наступила какая-то тишина. Она угнетала. От Ильи больше никаких известий. Маша маялась, старалась успокоить себя и гнала тяжёлые мысли.

Чтобы хоть как-то отвлечься, решила прогуляться в парке, расположенном неподалёку от дома.

В задумчивости не заметила, как добрела до центральной арки. Возле скамейки увидела стайку воробьёв. Взъерошенные, они купались в луже, а после прыгали возле травы, стряхивая с себя капельки воды. Неподалёку от общей весёлой компании этих нахохлившихся комочков она заметила ещё одного воробышка. С ним было что-то не так. Маша решила наклониться и посмотреть, но тут её окликнули:

— Здравствуйте! Рад вас видеть.

— Вы? — удивилась она.

Это был тот самый лектор, что читал доклад об использовании цветов в алхимии в их библиотеке.

— Да, вот решил прогуляться. А вы как здесь?

— По той же причине.

— А мы ведь так и не познакомились. Сергей! — мужчина протянул руку Маше.

— Маша.

— Вы что-то с интересом разглядывали возле скамейки, а я вам помешал.

— Мне стало интересно, почему вон тот воробей, — она указала на птицу, всё ещё сидящую поодаль от остальных, — не веселится со всеми.

— Давайте посмотрим.

Сергей подошёл ближе к скамейке.

— К сожалению, он не может веселиться с остальными. У него подбита лапка.

— Ой! — вскрикнула Маша. — Бедненький! Как он теперь?!

— Если не помочь, погибнет. Знаете, есть легенда, почему воробьи прыгают. Говорят, что многие птицы стремились отвести преследователей от того места, где скрывался Спаситель, и только воробей указал на него своим пискливым чириканьем. А потом воробьи услужливо подносили гвозди палачам, казнившим Христа. Вот за это Господь связал им

лапки. Так и скачут до сих пор.

— Жестоко. Но с этим-то что делать? — указала Маша на комочек.

— Этого, пожалуй, мы с вами можем спасти, только поймать надо. Сейчас попробую.

Сергей осторожно подошёл сзади и взял птицу в руки. Она не билась, лишь часто дышала и косила глазом, чёрным и блестящим. Маша даже захлопала от радости в ладоши, но потом смутилась своего ребячьего порыва.

— Теперь надо найти, куда его посадить. В руках до клиники нести далековато, — сказал Сергей.

Им повезло. Возле скамейки напротив, сверху урны, лежала картонная коробка. Кое-как найденной палкой Маша проткнула несколько дырок, чтобы поступал воздух. Потом воробышка посадили внутрь коробки и закрыли крышкой. По Интернету посмотрели дорогу к ближайшей ветклинике.

В сумочке Маши завибрировал телефон. Звонила Ида Васильевна, свекровь: нужно было ответить. Сергею пришлось нести воробья одному. Он обещал сообщить потом, как всё прошло. Маша написала на коробке свой номер.

«Забавно! — подумала она про себя. — Прямо как в юности на свидании».

Она перезвонила свекрови, немного поговорили. Обе сейчас искали друг в дружке опору: страх неизвестности давил всё сильнее.

Дома Василёк смотрела телевизор, Варя ещё не вернулась

от друзей.

Поздно вечером пришло сообщение от Сергея: с Найдёнышем (так он называл воробья, пока шёл с ним) всё в порядке. Ему наложили шину и оставили на несколько дней под наблюдением.

Маша вдруг поймала себя на мысли, что ей приятно внимание этого мужчины и сам он будоражит её воображение.

Но разве она может сейчас думать о таком?

Ночь её была тревожной: снился жуткий сон. Она видела огромного воробья, он раскрывал свой клюв и страшно смеялся. Потом клюв превратился в громадную пасть, внутри которой вертелся чёрный омут. Этот омут тянул её к себе, засасывал. Женщина пыталась сопротивиться, ухватиться за ветви, но смеющаяся птица злобно надвигалась на неё и хотела проглотить. Она подошла уже вплотную...

Маша резко проснулась. Вся мокрая от пота, села на кровати. Было очень страшно.

Будильник показывал только пять часов утра. Больше спать не хотелось. Решила пойти на кухню и заварить себе чай. Свет включать не стала: сидела в темноте и пыталась понять, откуда в её подсознании этот кошмар.

Так, с гудящей головой, провела на работе весь день. В обед звонил Сергей, приглашал на прогулку. Маша обещала подумать и перезвонить. Не шёл у неё из головы каркающий воробей! Какую беду он мог накликать?!

Под вечер всё же согласилась на предложение Сергея,

предварительно предупредив детей, что задержится на деловом ужине, связанном с работой.

Они заглянули в маленькое кафе. Столиков здесь было немного; мягкий, тёплый свет струился из бра, прикрученных к стенкам возле каждого из них. Звучала фолк-музыка, соединяющая в себе фольклор и современные ритмы. Маше нравилась такая. Само кафе оформлено в народных мотивах. Цвета радовали глаз. Сергей был галантным и внимательным.

И Маша расслабилась, забыла про свою тревогу и утренний сон. Ей стало очень хорошо, уютно. Она испытывала состояние лёгкости, словно после долгой и жгучей боли получила дозу морфия.

Сергей оказался интересным собеседником. Он рассказывал о своей работе и увлечениях, вспоминал про первый поход в горы и падение с небольшой высоты; смеясь, изображал себя, перебинтованного, в больничной палате. Потом было погружение с аквалангом. Маша поняла, что Сергей — очень разносторонняя личность. Про себя такого она сказать не могла. Её жизнь была связана только с домом, детьми и работой.

Неожиданно мужчина спросил:

— Маша, извините за бестактный вопрос: у вас на безымянном пальце кольцо. Вы замужем?

Она сначала смутилась, но потом решила честно ответить:

— Уже нет. Мы давно развелись. Общаемся, у нас две до-

чери.

— А кольцо? Вы всё ещё испытываете чувства к мужу и дело не только в детях?

Маша молчала.

— Извините меня. Лезу не в своё дело.

— Всё в порядке, — словно очнувшись от наваждения, сказала она. — Просто я сама не разобралась до сих пор, что это за чувства. Хотя пора бы.

Она взглянула на правую руку — переливающийся камень игриво вспыхивал при движении, дразня её память и подтверждая каждое слово.

— А сейчас с мужем вы часто общаетесь?

— Нет! Я не знаю... не знаю, где он... сейчас, — слёзы подступили слишком близко. — Был мобилизован, давно не отвечает.

— Извините! Я не хотел вас расстраивать. Думаю, надо успокоиться и подождать. Ведь на передовой не всегда есть связь.

— Да, вы правы! Нельзя раскисать.

Часы на стене кафе показывали без четверти восемь.

— Мне пора. Что-то я уже засиделась.

Сергей хотел проводить её, но она мягко отказалась.

Дома Варя и Василиса подозрительно на неё смотрели.

— Как прогулка с ужином? — спросила старшая дочь.

— Замечательные.

— Заметно. Прямо сияешь! Наверно, солнцем напитана-

лась, — съязвила Варя.

— А нам бабушка звонила, — сказала Василиса.

— Да? И что говорила?

— Ну, вообще она хотела пообщаться с тобой, думала, ты дома. На её звонки ты же не ответила!

— Ой, а я и не слышала. Перезвоню потом. А с вами о чём разговаривала бабушка?

— Да так, обо всём понемногу. Спросила про учёбу, про интересы, друзей, — перечисляла Василиса.

— И вы рассказали?

— В общих чертах. Нормально всё, — нетерпеливо перебила Варя. — А как твоя свиданка прошла?

— Варя, это не свиданка была, а дружеский ужин. Прошёл он хорошо, кафе уютное, неплохое меню. Как-нибудь сходим туда вместе.

— Ура! — заулыбалась Василиса.

— Всё ясно с вами, — сказала Варя. — Пойду делать домашку.

— Вы поужинали? — спросила Маша у Василисы.

— Да. Подогрели и всё съели.

— Вот и хорошо.

Через три дня на её экране высветился неизвестный номер.

— Да, — ответила она.

— Маша, это я.

— Илья? Ты? Откуда? Где ты? Почему так долго молчал?

— от растерянности вопросы сыпались один за другим

— Я в госпитале. Недавно пришёл в себя. Ребята дали телефон позвонить. Своего ничего не осталось.

— Как же так?

— Ну.. Под обстрел попали. Мне обе ноги перебило. Чудом жив остался. Теперь вот здесь.

— А что дальше?

Маша понимала, что задала сейчас глупый вопрос, но потрясение не отпускало её.

— Операцию сделают, подлечат. Не переживай. Всё хорошо будет.

Илья немного помолчал.

— Знаешь....

— Что?

— Я здесь окончательно понял, каким кретином был.

Маша не знала, что ему на это ответить.

— А ты помнишь истории про две макушки?

— Да! Либо двое детей, либо дважды женат. Это вкратце.

— Я подумал, что может быть и то, и то.

— Это как? — не поняла она хода его мыслей.

— Можно иметь двоих детей и дважды быть женатым.

— Да?

— Да! Я очень хочу быть с вами, хочу, чтобы мы снова поженились. А ты что скажешь?

— Ничего... пока ничего. Я не могу так сразу тебе отве-

тить.

— Да, понимаю. Но буду ждать! Ведь я счастливчик!

«Счастливчик! А я? — думала Маша. — А Сергей? Как всё запуталось! Илья—Сергей; Сергей—Илья...»

Спустя день Маша оформляла на работе полку с отреставрированными книгами. Она любовалась их тонкими, тиснёнными золотом корешками, ласково поглаживала обложки изданий. От этого интересного дела её отвлёк телефонный звонок.

— Здравствуйте! Маша?

— Да, — ответила она.

— Я сосед вашего мужа Ильи по палате. Его экстренно повезли на повторную операцию, что-то у них пошло не так, открылось кровотечение. Он просил вам передать, что любит и ещё про какие-то макушки. Но это я не разобрал.

— Да, я поняла всё. Спасибо!

Маша застыла. Мозг лихорадочно перерабатывал информацию и то, что произошло. Близкий ей человек при смерти! А она по кафе ходит!

Чувство вины разmozжило её со всей своей силой, а маленькие, недавно проклюнувшиеся крылышки счастья не смогли справиться с такой тяжестью и сломались.

Решение возникло так же неожиданно, как и та машина, что выскочила перед ней из-за поворота. Написав заявление

на отгулы и оставив детям чёткую инструкцию по ведению хозяйства, трате денег на него и поведению в целом, Маша вечером уже стояла на перроне в ожидании поезда.

— Здравствуйте! Значит, уезжаете?

Она вздрогнула, услышав этот голос.

— Да, еду в Воронеж. Как вы меня нашли?

— Позвонил к вам на работу... Некоторые сотрудницы библиотеки очень словоохотливы и не прочь поболтать.

— Это точно, — вздохнула она.

— Так значит всё-таки к нему? — Сергей посмотрел пристально в глаза Маше. — Но почему? Мне казалось, что у нас может всё получиться.

— Простите за ложные надежды. Я не могу... Я должна...

— Должны? Кому должны, Маша?

— Наверно, себе в первую очередь. И двум макушкам.

— Каким двум макушкам? Объясните! — Сергей пытался её удержать.

— Простите меня, Сергей! До свидания!

И она пошла к своему вагону, не оборачиваясь и смахивая набегавшие слёзы.

Нерассказанная сказка

Хорошо и ласково пригревает солнце. Один луч пробился сквозь щёлку шторы и по-доброму щекочет нос. Он старается прогнать остатки сна. Сладко потягиваясь в кровати, Катя открывает глаза. На часах семь, можно ещё понежиться, но девушка заставляет себя сесть на кровати. «Не позволяй душе лениться!» — напевает она строчки Н. Заболоцкого, подходит к окну и отдёргивает занавески. Солнечный свет заливает всю комнату. Новый день наступил. Надо собираться на занятия.

Утренний кофе помог проснуться окончательно. Катя убирала чашку со стола, когда услышала, как заливается её телефон.

— Привет, надеюсь, не разбудил? — услышала она.

— Привет, нет. Я уже давно встала, в универ собираюсь.

— Ок. Макс приглашает нас сегодня потусить, новый бар открывается.

— Я не могу сегодня, — отвечает Катя, уже представив, какая фраза последует за этой.

— Почему?

— Сегодня отчитываюсь по диплому, да и другие хвосты надо закрыть.

— Тебе, как всегда некогда! — Олег начинал раздражаться. — Мы давно никуда не ходили. Ты всё время занята.

— Не обижайся. Сходим куда-нибудь вдвоём в следующий раз. Мне уже пора. Прости!

— Я понял. Пока.

Катя занялась собой. Быстро накрашила ресницы, провела кисточкой с блеском по губам.

— Ну, вот и готова!

Из зеркала на неё смотрела мордашка (так девушка подтрунивала над собой) с карими глазами и ясным взглядом. Волосы её, как всегда, были убраны в пучок.

— Чёрт! Опять опаздываю.

Катя спешила в университет. Сегодня она должна отчитаться по дипломной. В последнее время итак часто переносила свой отчёт. Виктор Сергеевич, её руководитель, уже начинал злиться. Времени до защиты диплома оставалось мало, а «белых пятен» в работе ещё много. И по другим предметам висели долги.

Дверь в аудиторию была полуприкрыта. Виктор Сергеевич стоял возле кафедры и объяснял что-то, указывая на слайд. Катя собиралась тихонечко проскочить на место, но не удалось.

— Добрынина, вас опять подвели часы?

— Извините, — тихо сказала Катя, усаживаясь за стол рядом с Лерой.

— Привет, — прошептала она девушке. Её однокурсница что-то сосредоточенно записывала и даже не подняла головы. Она, как всегда была, элегантно одета, с классным маки-

ажем и стильной причёской.

Лектор продолжал своё объяснение.

После занятий Катя отыскала наставника и передала ему исправленные записи.

— Ну-с, посмотрим, что вы тут изменили, — пробубнил Виктор Сергеевич. — Так «Особенности функциональной диагностики в педиатрии важный и..».

Мужчина погрузился в чтение. Катя немного нервничала.

— Катя! Мы же договаривались, что задачи надо конкретизировать. Вот вы пишете:

«Сравнить показатели здоровья детей на основе клинических данных; провести оценку функционального состояния ряда систем: кроветворной, иммуннокомпетентной, эндокринной...»

Он оторвался от чтения и посмотрел на девушку.

— А на основе чего вы собирались её провести, эту оценку?

Катя пожала плечами.

— Потрудитесь, голубушка, всё доделать к следующему занятию. Будьте повнимательнее, особенно с данными таблиц!

— Хорошо, Виктор Сергеевич, я исправлю.

Руководитель снова пожурил Катю и отпустил.

Да, над дипломом ей ещё работать и работать.

Но сейчас ей хотелось немного развеяться, и она решила сходить в госпиталь.

Он появился в жизни Кати три недели назад. Девушка увидела объявление о наборе волонтеров в один из смоленских госпиталей и решила, что раз в неделю помогать раненым, нуждающимся в уходе, она сможет.

Уже в среду Катя в составе небольшой группы волонтеров, получив пропуск для входа в здание, поднималась в кабинет, который им отвели для переодевания.

А потом они вошли в палату. Она пахла йодом, хлоркой и чем-то сладковатым, от чего немного мутило. Увиденное потрясло девушку настолько, что она еле сдерживала слёзы. Нет, конечно, она понимала, с чем ей придётся столкнуться (всё-таки будущий врач!), настраивала себя, но увидеть подобное оказалось испытанием и для неё.

Раненых в госпитале было много. И все с разными травмами. Катя посмотрела на кровать у окна. Мужчина без ноги: культя замотана бинтом, белым, свежим, но на его поверхности уже проступило розовое пятно — просматривал газету и пил чай. Рядом парень лет двадцати в рубашке с пустым рукавом, там, где должна была быть правая рука, заклотым на булавку. Он листал ленту телефона и чему-то улыбался. Некоторые больные передвигались между кроватями на костылях. Иногда слышались шутки с какого-нибудь угла палаты и раздающийся вслед им громкий смех. Жизнь продолжалась и здесь.

Навещая своих подопечных в очередной раз, Катя уви-

дела новенького. Это был совсем молодой парень, наверно, лет двадцати трёх—четырёх. Его отросшие тёмные волосы спадали ему на глаза, но он не предпринимал попытки их убрать. Взгляд, какой-то отрешённый, был устремлён в потолок и будто застыл на одной точке.

Катя протирала соседнюю тумбочку и незаметно разглядывала его. Когда она посмотрела в изножье кровати, ей всё стало понятно: одеяло с правой стороны лежало вплотную к матрасу — у парня не было правой конечности.

«Ещё один!» — подумала девушка про себя.

Сердце её переполняла жалость и боль за этих ребят; слёзы просились наружу.

Нужна была срочная перезагрузка. Придя домой, Катя отключила телефон, поставила любимый фильм «Лёд-2», достала ведёрко с мороженым и тихонько плакала над «сопливыми», как говорил Олег, моментами кино. Так под фильм и уснула. Её сон был спокойным, ровным и глубоким.

Следующий день девушка провела в университете, а после сидела и правила дипломную. Она изменила формулировки некоторых заголовков, которые не понравились её руководителю, поработала над терминологией, перепроверила данные реоэнцефалографии и электроэнцефалографии.

Вечером позвонила Олегу и предложила прогуляться.

Они встретились в сквере. Катя в этот раз надела чёрное пальто и замоталась шарфом: было прохладно. Олег пришёл в лёгкой тёмно-серой куртке, ткань которой обтягивала его

мускулы, и черных джинсах. Он болезненно трепетно относился к своему телу, много времени проводил в спортзале и, как казалось Кате, любовался собою. Сама Катя рядом с ним выглядела Дюймовочкой.

Дюймовочке хотелось пройтись по скверу, несмотря на прохладный вечер, но Олег настоял на кафе. В ожидании своего заказа они перешли к расспросам друг о друге.

— Неважно выглядишь, синяки под глазами, — сказал Олег.

— Спасибо, что заметил.

— Не обижайся. Просто ты всё время где-то бегаешь, себе времени не уделяешь совсем. Вот этот твой госпиталь... Зачем он тебе?

— Там я бываю раз в неделю, редко, когда два. Я хочу помогать этим людям. Они столько вынесли и сейчас терпят. Они видели смерть, были в таком аду, а мы....

— Это упрёк мне?

— Нет, просто я объясняю, почему хочу помогать им.

— Они сами выбрали этот путь, небось на большие деньги повелись. Что ж теперь!

— Как ты можешь? — в глазах Кати читалось негодование. — Какие деньги? Почему ты так цинично про это говоришь?

Ей вспомнилось, как однажды Олег с таким же высокомерием отозвался о её соседке-пенсионерке, которая не могла оплатить коммуналку: «Сама виновата, надо было работать,

а не на печке лежать». Тогда Катя не придавала всему этому особого значения. Но сегодня... Язвительный тон Олега её напрягал.

— Да потому что мне надоело всё время ждать тебя и ловить моменты, когда ты будешь свободна для меня. Тебе всё время некогда. Но некогда только для меня!! — Олег перешёл на повышенный тон.

Кате не хотелось скандала, она перевела разговор на другую тему:

— Что нового у тебя?

— Ничего такого. Закончили писать программу, сейчас на доработке. Если всё получится, сможем толкнуть заказчику за неплохие деньги.

— Я рада за вас. И у вас точно всё получится.

Принесли кофе с пирожными. Оба теперь молчали: делали вид, что голодны и сосредоточены на еде.

Вернувшись в свою маленькую квартирку, которую сдавала хорошая знакомая мамы, Катя долго сидела в темноте, так и не включив свет. Разговор с Олегом ей не понравился. Досадный червячок точил изнутри. Агрессивность парня пугала, сегодня он был совсем чужим.

Хотя только ли сегодня? Может, просто раньше она закрывала на это глаза, оправдывая грубость Олега его характером, загруженностью на работе. Придумала удобного парня и боялась заглянуть в душу, чтобы не разочаровываться?

Звонок мамы заставил девушку отвлечься от своих тягостных дум. Мама, как всегда, интересовалась её делами: спрашивала про университет, про диплом, про здоровье — про всё то, что волнует родителей, которые подолгу не видят своих детей и находятся от них далеко. Катю от мамы и сестры с племянниками разделяли сто с небольшим километров.

Поговорив по телефону, девушка вновь погрузилась в свои думы. Почему-то сейчас её мысли были заняты парнем из госпиталя. В те дни, что Катя приходила, он ни разу не сдвинулся с места, безучастно смотрел в потолок, не реагировал на слова других. Больные в палате иногда пытались его расшевелить, подбадривали, приглашали выпить чаю с ними, но он отворачивался к стене, на контакт не шёл. Он словно воздвиг между собой и остальными стену, которую не позволял ломать ни себе, ни кому-то ещё.

Катя решила, что должна попытаться помочь ему. Но как?

Сидя в тишине и обдумывая свои идеи, она вдруг вспомнила про сказки. Сказки, что спасли её племянников.

Три года назад Артём, муж старшей сестры, погиб в авткатастрофе. Маша тогда замкнулась в себе; заботы о племянниках-двойняшках, Кире и Кирилле, легли на плечи Кати. Мама же занялась Машей.

Кира и Кирилл ходили в первый класс и безжалостную правду об отце узнали в школе. Катя до сих пор помнит их испуганные, потрясённые личики с глазами, полными слёз,

молящими Катю опровергнуть всё, что они слышали; рыдания, доходящие до икоты, и подёргивающиеся от них плечики.

А потом дети замкнулись. Они молча оплакивали своё горе. И совсем перестали разговаривать.

Катя не знала, что ей делать. Она консультировалась с детским психологом, много времени провела на сайтах, выискивая подобные случаи и задавая один вопрос: «Как с этим справиться?»

Время шло, а дети по-прежнему не разговаривали.

Одним вечером Катя наткнулась на статью про сказкотерапию. Прочитала её, потом ещё ряд других. Почти в каждой из них утверждалось, что сказка способствует полноценному выздоровлению психики детей и помогает справляться с горем.

Так начались вечера со сказочными историями. Катя читала племяшкам про мальчика Игорька, про весёлого Пончика и себялюбивую трясогузку. Иногда увлекалась и героями делала самих детей.

Они слушали всё так же молча, лёжа под своими одеялами и никак не реагировали.

Но чудо всё же случилось. Где-то на второй неделе Катя рассказывала сказку про две разные Галактики. И тут Кира спросила:

— Катя, а может быть, папа тоже на этих Галактиках сейчас?

— Кирочка, я не знаю, но если он там, то на Цветастой ему хорошо.

— Глупости это, — встрял в разговор Кирилл, — нет никаких Галактик! И папы тоже...

— А может есть! — упрямилась Кира.

— Дура ты!

И оба отвернулись к стенке.

Катя была счастлива. Да, дети разругались, но ведь говорили же с ней! Говорили!

С этого вечера всё изменилось. Потихонечку, слушая и обсуждая истории, племянники возвращались к действительности. Сказки сработали.

Вот и сейчас Катя хотела вернуть к жизни человека. «Но как? — спрашивала она у себя. — Сказками? Но тогда это были маленькие дети, а он... Хотя, что я теряю»

Ну что ж! Попытка не пытка!

На следующий день в госпиталь Катя пришла с распечатанными листами. Перестелив постельное на некоторых кроватях и протерев пыль на тумбочках, она решительно взяла стул и поставила его рядом с кроватью парня.

— Можно я вам почитаю? — спросила она.

Ответа не последовало.

— Хорошо. Молчание воспринимается как знак согласия, так что начнём.

И она прочитала притчу о страхе и одиночестве, о жела-

нии спрятаться и никого не видеть, а потом о пути возрождения

Кто—то из больных подходил и смеялся над «чужацеством» Кати, кто-то вздыхал и вставлял едкое словцо. Не реагировал только один.

Девушка стала появляться в госпитале чаще. Как-то вечером, после прочтения сказки о юной царевне, которая разглядела в колченогом, горбатом и гнусавом уродце настоящую душу и полюбила, парень чуть приподнялся на локте, посмотрел Кате в глаза и спросил:

— Получается, что полюбить можно любого, даже страшенького?

— Да, — просто ответила Катя.

— И меня, безногого? — голос его дрогнул.

— И вас...

Парень отвернулся к стене. Больше в тот вечер они не разговаривали.

Вечером Катя звонила сестре, захотелось с кем-то поделиться новостями.

— Привет! Как дела? Как мои племяшки? Растут—воюют?

— Привет, — ответила Маша. — Растут. Кирка уже на два сантиметра обогнал Киру, дразнит её. Потом ругаются.

— Как всегда ругаются.

— Да, ты же их знаешь. Им только повод дай. В школе

ещё ничего, а дома постоянно что-то делят. Хорошо, хоть в кружки разные ходят.

— В школе у них всё в порядке?

— Да, в учёбе подтянулись. Сидят рядом, иногда друг дружке подсказывают: один по математике, другая — по русскому. Вот там они друг за друга горой. А дома...

— Ясно. А сама как?

— Как обычно: дом—работа—дом; ужины—уроки—стирка. Без изменений.

— Эй! Не раскисай. Тебе надо куда-нибудь выбираться хоть иногда. Мы это уже обсуждали. Сходить в кафе, в кино, просто погулять.

— У меня дети!

— А что дети? Можно и вместе с ними ходить или маму попросить посидеть. Она только рада будет. Вот погоди, приеду — вытяну тебя куда-нибудь опять! — Маша рассмеялась. Катя про себя отметила, что давно не слышала её смеха.

— Хорошо, — сказала она. — А как сама?

— Я — отлично. Дописываю диплом, волонтерю. Хожу в госпиталь. Знаешь, там есть один парень. В общем, я хочу ему помочь. Пробую сказками, как тогда...

Катя не стала договаривать: испугалась, что сестре станет больно от воспоминаний.

— И как? Получается?

— Ну, первые шаги сделаны. Он со мной заговорил, а

раньше просто в потолок смотрел и ни на что не откликался. Мне, правда, очень хочется ему помочь.

— Тогда дерзай!

Поговорив ещё немного, она попрощалась с сестрой и пошла готовить ужин. И всё время думала о своём подопечном. Об Олеге вспоминала редко. После разговора в кафе они совсем отделились друг от друга, лишь изредка перезванивались. Катя чувствовала, что он чужой для неё, рядом с ним она не испытывает тепла и спокойствия, одна пустота. И значит... Но что делать с этим «значит», пока думать не хотелось, и Катя предпочла заглушить свои мысли.

На новой неделе она снова была в госпитале. Ей показалось, что ОН ждал её прихода.

— О, наша Оле Лукойе пришла, — по-доброму приветствовали больные.

— Здравствуйте, как ваши дела? — спрашивала она у всех одновременно.

Выслушав последние новости и раздав заказы, Катя подошла и поздоровалась с парнем.

— А вы как сегодня?

— Наверно, лучше.

— Вам что-нибудь нужно?

— Нет, всё есть. Вас ведь Катей зовут? Или всё-таки Оле Лукойе?

— Катей, — рассмеялась она. — А вас?

— Андреем.

— Ну, вот и познакомились. Расскажете что-нибудь о себе?

— Лучше вы.

— Я? Я учусь, скоро защита диплома.

— А на кого учитесь?

— На педиатра.

— Даже не удивительно!

— Почему это? — наоборот искренне удивилась Катя.

— Слишком добрая и настойчивая. Как врачи здешние.

Катя насупила брови, пытаясь понять, издевается её собеседник или нет.

— Вот-вот, и смотрят они так же, как вы сейчас, если сердятся, — рассмеялся он.

Девушка выдохнула и тоже рассмеялась.

— Ну а вы, — спросила она, — чем занимаетесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.